

Громкое имя Шан Сижую [1] давно было у Чэн Фэнтая [2] на слуху.

Владелец труппы «Шуйюнь» [3] был одним из наиболее выдающихся артистов своего времени, исполняющим роли из амплуа хуадань и циньи [4]. Его во весь голос славили многочисленные, словно звёзды на небе, поклонники пекинской оперы: прижавшись спиной к спине, они могли бы двести раз опоясать весь Бэйпин [5]. Поэтому можно сказать, что Шан Сижуй был подобен острову среди океана, покрытому льдом — вознесшись на девятое небо [6], он озарял публику своим ослепительным сиянием — у всех на виду, но не достигаем ни для кого.

А если вы спросите, так ли хороши выступления Шан Сижую, люди Бэйпина непременно сошлутся на чтимого императрицей Цыси [7] служителя [8] «грушевого сада» [9] той же эпохи Нин Цзюлана. В те годы Шан Сижуй с труппой «Шуйюнь» вновь посетил Бэйпин и дал три представления, пользовавшихся большим успехом. Привлечённый его славой Нин Цзюлан услышал, как Шан Сижуй исполняет «Космический клинок» [10], после чего тяжело вздохнул, распустил театральную труппу и удалился от дел, уступив ему титул лучшего актёра в амплуа дань [11].

Одни говорили, что Нин Цзюлань был просто потрясён голосом Шан Сижую, ощутив его превосходство. Захваченный его игрой, Нин Цзюлань признал, что «птенец феникса» [12] наделён чистым голосом «умудрённого феникса» [13], а двум красавицам на одной сцене тесно — это означало, что на подмостки он больше не выйдет. А иные поговаривали, что выступавший более двадцати лет Нин Цзюлань успел скопить изрядное состояние и, подумывая отойти от дел, нашёл для этого изящный способ, уступив Шан Сижую первенство, вот и всё. Но одно, несомненно, было правдой: как только Нин Цзюлань «сорвал шапку» [14], уступив место более достойному, славу Шан Сижую признали безоговорочной. В газетах ежедневно писали о его всевозможных достижениях и слухах, касающихся его персоны, а поклонники пекинской оперы, осадив театр, что было мочи горланили у входа, прославляя величие Шан Сижую, будто он был самым президентом республики. Из-за этого поначалу Чэн Фэнтай считал, что популярность Шан Сижую изрядно раздута — всего лишь актёр, добившийся популярности [15], очередная достигшая зенита звезда «грушевого сада».

Но по словам его старшей сестры, Чэн Мэйсинь [16], Шан Сижуй был подлым, разнузданным демоном-искусителем, а то, что он был мужчиной, делало его в десятки раз отвратительнее.

Неудивительно, что Чэн Мэйсинь ненавидела Шан Сижую всем сердцем, ведь некогда тот отбил её мужчину. Тогда Чэн Мэйсинь была шестой младшей женой [17] главнокомандующего Северо-Западной армии Цао. Штурмуя восточную стену города, военачальник к своему изумлению узрел на её гребне облачённого в роскошный театральный костюм Шан Сижую, который без грима раз за разом исполнял арию из оперы «Прощай, моя наложница» [18]. Забывшись в пении, он не замечал летящих мимо пуль. Потрясённые солдаты прекратили стрелять — указывая на него, они спрашивали: «Этот человек что, сумасшедший?» Определённо, сумасшедший — но его безумие было невероятно прекрасным.

Застывший у подножия стены военачальник Цао, запрокинув голову, смотрел, как Шан Сижуй пел: «Ханьские войска уже захватили нас, со всех сторон слышатся песни чусцев [19]», — и всем, кто это слышал, казалось, будто он столь чудным и страшным образом прославляет подвиги Цао. Вмиг замороженный песней военачальник указал на Шан Сижую нагайкой со

словами: «Смотрите, не раньте его! Ваш отец-командир [20] желает заполучить эту Юй Цзи [21] живой!» После этого его подчинённые больше не осмеливались стрелять, и им понадобился час упорного труда на то, чтобы разбить ворота.

Однако же после захвата города Шан Сижуй не спешил кончать жизнь самоубийством, следуя примеру Юй Цзи, верности и самоотверженности которой не было равных. Он безропотно позволил главнокомандующему Цао захватить себя в плен — и с той поры следовал за ним, каждую ночь распевая военачальнику радостные песни на глазах негодующей Чэн Мэйсинь.

По счастью, победа в той войне всё-таки осталась за ней: надавив на Шан Сижую, она заставила его уйти, тем самым избавившись от самого сильного соперника, и, когда первая жена военачальника умерла, Чэн Мэйсинь наконец добилась своего, став госпожой Цао, однако при любом напоминании о невыносимой обиде её по-прежнему терзала безумная ненависть.

Перебившая западные веяния семья Чэн Мэйсинь проживала в Шанхае, недалеко от набережной [22]. Горнило лет жизни в качестве доступной женщины и младшей жены перековало её манеры и нрав, придав им цинизм и вульгарность. Стоило кому-либо втихомолку упомянуть Шан Сижую, как она непременно вставляла пару едких и не вполне пристойных замечаний, требуя от всех родственников мужского пола не иметь с этим типом никаких дел. Однако, не считая своего супруга, господина Цао, и младшего брата Чэн Фэнтая, на других родственников-мужчин она не имела влияния. Ну а поскольку попытки снискать расположение главнокомандующего Цао, который к тому же занимал пост военного министра, поглощали все её мысли, при нём она не осмеливалась на столь дерзкие речи, так что все они приходились исключительно на долю Чэн Фэнтая.

Послеобеденное время медленно тянулось во флигеле обширной бэйпинской резиденции семьи Чэн. Традиционная старая обстановка осталась неизменной с прежних времён: павлиньи перья в больших финифтовых вазах [23], резная мебель красного дерева, свитки с изображением слив, орхидей, хризантем и бамбука [24] на стенах. Полдень давно минул, в прокуренную комнату проникал свет от закатного солнца, и из-за завесы сигаретного дыма она походила на старый запылившийся натюрморт. Облокотившись о столик для кана [25], а в другой руке зажав трубку из слоновой кости, Чэн Мэйсинь, свирепо впившись глазами в Чэн Фэнтая, читала ему нотацию:

— Нельзя позволять бэйпинским мужчинам развлекаться с актёришками — этими низкопробными уличными лицедеями, которые только и знают, что строить глазки, завлекая богатых и влиятельных мужей. Если ты не усвоишь это как следует, то твоя старшая сестрица ничем не сможет тебе помочь, ясно?

Настойчивость Чэн Мэйсинь была беспримерной — и хоть её сердце было полно яда, голос оставался мягким, будто шёлковая вата или размоченный в Цзяннань [26] рис.

Засунув руки в карманы брюк своего западного костюма, Чэн Фэнтай небрежно усмехнулся в ответ:

— Усвоил я всё, усвоил: да и какие могут быть забавы с мужчинами-актёрами?

Смысл этой фразы заключался в том, что он отнюдь не находил мужчин-актёров хоть сколько-нибудь интересными — вот если бы заменить их на актрис, то, пожалуй, с ними он не отказался бы поразвлечься.

При этом Чэн Мэйсинь бросила взгляд на сидящую рядом невестку, вторую госпожу Чэн — погружённая в свои мысли, она постукивала длинной трубкой [27] о плевательницу. Выбив пепел из трубки, она мельком взглянула на Чэн Фэнтая.

— Путаться не стоит не только с актёрами, — поспешно продолжила Чэн Мэйсинь, — но также и с танцовщицами, и с певичками. Жена у тебя настоящая красавица, уже родила тебе двоих детей, а тебе всё мало? Как можно быть таким бессовестным, а?!

При этом она выпустила из вида, что родная мать Чэн Фэнтая, прежде чем стать второй женой господина Чэна, была как раз-таки певичкой. К счастью, он не обратил на это внимания. Очистив мандарин от кожуры, Чэн Фэнтай прищурившись в улыбке, передал фрукт Чэн Мэйсинь:

— Понял я, понял! Сестрица, одного раза тебе никогда не достаточно — то бранишься на актёров, то поучаешь младшего брата — нравом ты всё сильнееходишь на своего мужа. — С этими словами он, чиркнув спичкой, зажёл трубку второй госпожи. Та расцвела в лёгкой улыбке — ей очень нравилось, когда муж оказывал ей подобные мелкие, но приятные услуги, будто он, преклоняясь [28] перед женой, жаждал угодить ей во всём.

Чэн Мэйсинь отделила дольку мандарина и, отправив её в рот, со смехом бросила:

— Похоже, невестка не понимает, как болеет за неё душой мой младший братец.

Вторая госпожа искоса взглянула на Чэн Фэнтая, давая понять, что ей не по душе это замечание, однако улыбка на её лице не дрогнула. Её муж продолжал лениво улыбаться, посмеиваясь в предвкушении грядущего развлечения. Когда эти женщины, одна из которых изъяснялась на великосветском шанхайском, а другая — на грубоватом северо-восточном, начинали говорить поочередно, это была та ещё комедия. Проснувшись от полуденного сна в задних комнатах, их третья сестра Чача-эр [29] протёрла глаза и, приподняв дверную занавеску, вошла; однако, завидев свою старшую сестру Чэн Мэйсинь, она на мгновение растерялась и собралась было вернуться к себе, но Чэн Фэнтай тотчас поманил её:

— Чача-эр, подойди.

Она неохотно двинулась к Чэн Фэнтаю. Будучи порядочной и неиспорченной девочкой, она с малолетства была не в ладах со старшей сестрой, презирая её за вульгарные замашки. Чэн Фэнтай похлопал себя по коленям, и Чача-эр боком уселась на них, зарывшись лицом в грудь старшего брата, лишь бы не глядеть в сторону Чэн Мэйсинь. Придерживая её за спину обеими

руками, Чэн Фэнтай принялся тормозить младшую сестру:

— К нам пожаловала старшая сестрица, ты почему её не приветствуешь, а? — нахмурившись, спросил он, однако в его голосе не было упрёка. При этом Чача-эр буркнула под нос что-то, что можно было счесть за вопрос, как поживает старшая сестра.

Происходи это в их старом шанхайском доме, Чэн Мэйсинь давно бы выбрала брата, однако она прекрасно понимала, какой у Чэн Фэнтай нрав: хотя он, несмотря ни на что, ревностно заботился обо всех своих сестрах, особую сердечную теплоту он проявлял лишь по отношению к Чаче-эр. Девочка смиренно, будто кукла, устроилась в объятиях Чэн Фэнтай. Необычайно горестное и страшное детство, которое они претерпели вместе, заложило основы необыкновенно прочной связи между братом и сидящей у него на коленях младшей сестрой. На попрёки в свой адрес Чэн Фэнтай не обращал ровным счётом никакого внимания, но стоило кому-то уколоть Чачу-эр, как он тотчас распалялся, будто задела его самого. Теперь, когда всё до неузнаваемости переменилось, Чэн Мэйсинь не желала навлекать на себя недовольство брата, вышедшего в крупные коммерсанты, хотя в душе поносила последними словами эту бесстыжую девчонку — отродье какой-то дикарки с юга, да и сама дочурка такая же дрянь. С улыбкой глядя на то, как милуются эти двое, Чэн Мэйсинь презрительно думала про себя: один вскормлен певичкой, другая — дикаркой-южанкой — что ни говори, а её сводные брат и сестра друг друга стоят.

Ещё в годы жизни семьи Чэн в Шанхае фабрика их отца прогорела, после чего он скоропостижно скончался. Не совладав с творящейся вокруг неразберихой и раздирающей грудь тоской, его первая жена также последовала за ним, удавившись. В семье Чэн осталось четыре ребёнка, большинство из которых — девочки. Чэн Мэйсинь, самой старшей, тогда едва сравнялось восемнадцать, за ней по старшинству шёл брат и две младшие сестрёнки. Мать её брата, Чэн Фэнтай, изначально была продажной женщиной с шанхайской набережной. Родив господину Чэну сына, она так и не смогла привыкнуть к оседлой жизни, так что сбежала в Гонконг [30], чтобы заняться прежним ремеслом. Мать Чачи-эр, происходящая из уйгуров [31], бесследно исчезла — Чэн Мэйсинь почти её не знала, но слышала, что она уехала за океан, во Францию. Четвёртая жена была из бедной семьи, и её пребывающая в младенческом возрасте дочь зависела от служанки-кормилицы, которая также принадлежала к многочисленным домочадцам. Банк направил к ним людей, чтобы изъять ценные вещи в счёт погашения долгов — и они забрали всё: пианино, серебряную утварь, электрические вентиляторы — вплоть до стоявших в саду мраморных умывальников. Видя, что происходит, слуги один за другим покидали поместье. Чэн Мэйсинь преградила им путь в воротах парка, срывая голос в крике: «Разве вам всё это время недостаточно платили? Почему же вы уходите?!»

Однако в итоге Чэн Мэйсинь сумела найти простое решение, как сохранить дом и вновь иметь возможность платить слугам, став куртизанкой высокого разряда.

По меркам элитных барышень с шанхайской набережной Чэн Мэйсинь отнюдь не была первоклассной красавицей, однако ей на руку играло западное воспитание: она говорила на английском языке и носила западные платья, умело кокетничала, не чуралась любых удовольствий и жизненных благ — но что ещё более важно, она являлась старшей дочерью потерпевшей крах почтенной семьи [32] Чэн, и всякий желал опробовать, какова подобная девушка на вкус. Чэн Мэйсинь всё ещё помнила, как это случилось в первый раз: придя к старинному другу отца, она без обиняков назвала этого старикашку дядюшкой. В тот раз она

заработала шесть тысяч юаней — в прошлом её матушка тратила столько за вечерней партией в маджонг [33], а теперь на эти же деньги её дочь променяла своё целомудрие.

Чэн Мэйсинь не забыла, как тем вечером с трудом сдерживала горечь, стараясь услужить, а поутру у неё так болело всё тело, что она чувствовала себя полностью разбитой, но всё же нашла в себе силы на долгий путь домой, купив по дороге торт с каштановым кремом [34] фирмы Кайсылин [35]. В былые времена дети семьи Чэн охотно пили молоко и ели пирожные и торты, которых теперь им очень недоставало. Чэн Мэйсинь сделала это отнюдь не из любви к брату или сёстрам, но ради себя самой: прежде её семья купалась в достатке и роскоши, теперь же, потеряв всё, она погрузилась в пучину отчаяния, так что старшая дочь была готова на всё ради восстановления прежнего статуса. В свете её честолюбивой мечты то, что она получила за ночь, было каплей в море.

Чэн Мэйсинь с тортом в руках толчком распахнула дверь в столовую, одна из стен которой представляла собой панорамное окно от пола до потолка. Лучи восходящего солнца заливали волосы и кожу её младшего брата Чэн Фэнтая, предавая ему поистине богоподобную красоту. Сидя на обеденном столе, одетый лишь в белоснежную нижнюю рубашку юноша обнимал кормилицу Чачи-эр за талию, в неподвижности прижавшись лицом к её груди. Похоже, женщине это доставляло немалое удовольствие: придерживая его за плечи, она слегка прищурилась в истоме. Представшая глазам Чэн Мэйсинь сцена всколыхнула воспоминания о том, как этой ночью были попраны и её душа, и тело. Она надолго застыла в неподвижности, наблюдая за ними, и вдруг осознала, что Чэн Фэнтай не вступил с женщиной в любовную связь — он кормился от её груди!

Чача-эр, в те времена совсем крошка, сидела в стороне, свесив ножки, и бесстрастно наблюдала за братом и кормилицей. Повернув голову, она уставилась на старшую сестру.

Чэн Мэйсинь затряслась от гнева: пока она, безропотно глотая слезы, ублажала в постели того старика, Чэн Фэнтай, её единственный брат, вместо того, чтобы разделить её ношу, сидел дома и, лапая кормилицу, сосал её грудь! Отродье дряни, потерявшее всякий стыд! Неужто она торгует своим телом для того, чтобы он, уютно устроившись, и дальше наслаждался жизнью знатного молодого господина? Нет уж, так легко он не отделается!

Открыв глаза, кормилица наконец увидела Чэн Мэйсинь, и, взвизгнув, бросилась вон из комнаты, прикрываясь одеждой. Донельзя смущённый Чэн Фэнтай в растерянности спрыгнул с обеденного стола, и, покраснев, стёр рукавом молоко с уголков губ.

— Старшая сестрица...

Сглотнув, Чэн Мэйсинь с мягкой улыбкой поставила торт на стол и обратилась к Чэн Фэнтаю его английским именем:

— Edwin [Эдвин] [36] настоящий проказник — такой большой, а всё ещё отнимаешь молоко у младшей сестры. Ты голоден? Велю приготовить сладких овсяных хлопьев и пойдём есть торт.

Усевшись за обеденный стол, Чэн Мэйсинь раздумывала, как бы сбыть с рук находящихся на её попечении брата и сестёр. Девочки были ещё слишком малы, чтобы торговать их красотой. В свою очередь, этот её младший брат был очень красив, даже в сравнении с ней самой — но, к сожалению, он был мальчиком, а она пока не знала, кто из богатых господ Шанхая любит развлекаться с мальчиками. Мысленно перебрал знакомых состоятельных и влиятельных людей по всей стране, Чэн Мэйсинь наконец вспомнила об одном человеке на северной границе, способным стать их спасителем.

С горящими глазами стиснув руки Чэн Фэнтая, его сестра слёзно взмолилась:

— Edwin [Эдвин], я думаю... думаю, что тебе стоит пригласить свою невесту, барышню Фань, приехать с севера к нам в Шанхай, и сыграем вашу свадьбу.

Свирепо нахмурившись, Чэн Фэнтай, чуть было не выплюнул молоко изо рта. Вырвав руки из пальцев сестры, он ударил по столу:

— Noway! [Ни за что!]

— Сестрица знает, что барышня Фань порядком старше тебя, — вновь вцепилась в него Мэйсинь, — и к тому же провинциалка. Когда-то этот брак предложил наш отец, и старшая сестрица вставала на твою сторону, воспротивившись вместо тебя, не так ли? Но... но теперь всё иначе, и я уже ничего не могу поделать. У нас ещё есть две младшие сестры — и этот дом. Если ты не возьмешь её в жены, то у нашей семьи не останется ни малейшей надежды!

— Да как я смогу прожить всю жизнь с подобной девчонкой! — воскликнул Чэн Фэнтай. — Ты просто не понимаешь, у неё... у неё ещё и ноги перебинтованы [37]!

Видя, что старшие молодые господа ссорятся, слуги и четвёртая жена сразу вышли, забрав остальных детей, так что они остались в столовой в одиночестве. Какое-то время Чэн Мэйсинь беззвучно плакала, думая: не воспользоваться ли ей немного бесчестным способом — а то иначе, пожалуй, ничего не выйдет. Расстегнув пуговицы на груди, она продемонстрировала оставшиеся на её теле с прошлой ночи следы разврата, и, зарыдав, поведала:

— Ты ведь уже взрослый мальчик, так что понимаешь, откуда взялось всё это? Понимаешь, где и с кем прошлой ночью была твоя сестра, чем она занималась? Ах! My dear [дорогой мой], если бы я не принесла себя жертву, то нам пришлось бы скитаться по улицам. А теперь тебе следует взять это на себя, так ведь?

Хоть сердце Чэн Фэнтая разрывалось от возмущения, он ничего не ответил. На следующий год он взял в жены старшую дочь семьи Фань, ставшую второй госпожой Чэн — при этом его род вновь поднял голову [38], став ещё богаче, чем был при отце.

Доедая дольку мандарина, Чэн Мэйсинь думала про себя: «А ведь если бы не мой хитроумный план, разве эти два ничтожества наслаждались бы сейчас столь прекрасной жизнью?»

— Похоже, сестрёнка уже совсем выросла, — с улыбкой заметила она. — Почему бы ей не вернуться в школу, а?

— Чача-эр довольно нелюдима, — ответил на это Чэн Фэнтай, — поэтому я попросил учителей обучать её на дому. Через пару лет, когда она ещё немного подрастёт, она снова пойдёт в среднюю школу.

— Что хорошего в западной школе? — лениво вмешалась вторая госпожа, выпуская струйку дыма. — Девочки забавляются вместе с мальчиками. После окончания школы всё равно нельзя допустить, чтобы третья госпожа нашей семьи шла работать. Сам подумай, какая от этого польза? Не стоит тратить на это силы.

Подобные рассуждения второй госпожи пришлись Чэн Фэнтаю не по вкусу, однако он почёл за нужное не вступать с ней в спор.

— Когда придёт время — увидим, — бросил он. — Если ей нравится учиться — пусть учится, не понравится — вернётся, это не так уж и важно.

— Младший братец так любит нашу третью сестрёнку, — со смехом обратилась Чэн Мэйсинь ко второй госпоже.

Та с улыбкой посмотрела на мужа.

Примечания переводчика:

[1] Сижуй 细蕊 (Xìruǐ) — в пер. с кит. имя означает «тонкие тычинки (лепестки).

[2] Фэнтай 凤台 (Fèngtái) — в пер. с кит. имя означает «дворец (или башня) феникса».

[3] Труппа «Шуйюнь» 水云楼 (Shuǐyún Lóu) — в пер. с кит. «Чертог (терем) “Водяных облаков”». Иероглиф 楼 (lóu) — «терем, башня» — означает также широкий спектр культурных заведений, от библиотек и студий до чайных и публичных домов.

[4] Хуадань и циньи - ампула дань 旦 (dàn) - женских ролей в пекинской опере, в букв. пер. с кит. «рассвет, день».

Хуадань 花旦 (huādàn) — в букв. пер. с кит. «цветочное ампула», ампула милой, кокетливой девушки или горничной. Часто такие героини поют очень высоким голосом. Костюмы у хуадань яркие, убор блестящий.

Циньи 青衣 (qīngyī) или чжэндань 唱旦 (zhēngdàn)— в букв. пер. с кит. «чёрная одежда» или

«благородная героиня», амплуа добродетельной женщины. Обычно это положительные, но несправедливо страдающие персонажи: верные жёны, добродетельные вдовы и девушки, живущие в бедности, стойко сносящие все невзгоды и являющиеся воплощением нравственного идеала. Игруют таких женщин сдержанно, но чувственно. Они много поют, так что навык пения особенно важен для артиста-цинъи. Движения плавные, изящные. Костюмы цинъи, как видно из названия, могут быть тёмными, если женщина замужем, молодые скромные девушки-чжэндань чаще всего одеты в костюмы пастельных тонов с яркими вышивками.

Информация про амплуа дань взята со страницы: <https://artafindushka.livejournal.com/2686.html>

[5] Город Бэйпин 北平 (Běipíng chéng) — название Пекина с 1928 по 1949 г., в букв. пер. с кит. «Северное спокойствие».

[6] Девятое небо 九天 (jiǔtiān) — самая высшая сфера неба, в обр. знач. «неизмеримо высокий».

[7] Императрица Цыси 慈禧 (Cǐxǐ tàihòu) — вдовствующая императрица Цыси (1835–1908 гг., контролировала верховную власть в империи Цин в 1861–1908 гг.).

[8] Служитель 尚書 (shàngshū) — «Книга истории» (альтернативное название древнего трактата "Шуцзин" (尚書), входящего в конфуцианский канон «Пятикнижие», ист. в значении «чиновник, министр».

[9] Грушевый сад 梨園 (Líyuán) Лиюань — такое название носила придворная музыкальная труппа, основанная танским императором Сюань Цзуном; обр. в знач. «театр».

[10] «Космический клинок» 宇宙鋒 (yǔ zhòu fēng) — традиционная опера о событиях эпохи Цин, в которой женские персонажи облечены в тёмные одежды. Данная опера ставится уже более пятидесяти лет и постоянно видоизменяется, она особенно полюбилась зрителям и стала довольно популярной среди творческого наследия школы Мэй Ланьфана.

Созданный Мэй Ланьфаном образ главной героини отличался разнообразными выразительными движениями, служившими для выражения её душевных переживаний по поводу возникших сложных и запутанных противоречий.

Имя актёра пекинской оперы Мэй Ланьфана ещё вам встретится, ибо именно его фигура вдохновляла создателей фильма «Прощай, моя наложница», который, в свою очередь, вдохновил автора новеллы.

[11] Амплуа дань 旦角 (dànjuér) — актёр на женских ролях.

[12] Птенец феникса 雏凤 (chúfèng) — обр. в знач. «талантливый юноша, способный ученик».

[13] Умудрённый феникс 老鳳 (lǎofèng) — в пер. с кит. «старый феникс», также канцлер или министр в эпоху Сун.

[14] Сорвал шапку 掀官帽 (xiān guān) — в обр. знач. «отказался от поста».

[15] Добившийся популярности — в оригинале 一呼百应 (yī hū bǎi yìng) — в пер. с кит. «на один призыв отзывается сотня», обр. в знач. «получить массовую поддержку», «ответить на призыв».

[16] Мэйсинь 美心 (Meǐxīn) — в пер. с кит. имя означает «прекрасное сердце».

[17] Младшая жена 姨太太 (yí tài) — также может означать «наложница».

[18] «Прощай, моя наложница» 霸王别姬 (bà wáng bié jī) — опера, основанная на романе «История династии Западная Хань», а также одноимённый фильм режиссера Чэнь Кайгэ (см. примечание выше).

[19] Ханьские войска уже захватили нас, со всех сторон слышатся песни чувцев — в опере говорится о гражданской войне, которая разразилась после падения империи Цинь, когда царство Хань захватило царство Западное Чу.

Ханьские войска 汉军 (hànjūn) — армия династии Хань (Ханьского Гао-цзу) (206 г. до н.э. — 24 г. н.э.).

«Со всех сторон слышатся песни чувцев» 四面楚歌 (sìmiànchǔgē) — ханьцам приказали выучить песни чувцев для того, чтобы вражеская армия, услышав их, поняла что ханьцы захватили их земли, затосковали по дому и разбежались, что и случилось. Ныне выражение употребляется в значении «быть окружённым врагами со всех сторон; оказаться в безвыходном положении; враги со всех сторон; весь мир против».

[20] Отец-командир — здесь главнокомандующий Цао действительно называет себя отцом 老子 (lǎozǐ) — лаоцзы — так шутливо или гневно именуют себя в разговоре; также это псевдоним легендарного китайского философа VI-V вв.

[21] Юй Цзи 虞姬 (yújī) (? — 202 до н.э.) — героиня оперы «Прощай, моя наложница», наложница правителя Западного Чу Сян Юя. Согласно историческим сведениям, помимо искусного исполнения песен и танцев, также мастерски владела мечом.

Сян Юй 项羽 (Xiàng Yǔ) (232 до н.э — 202 до н.э.) — генерал, возглавивший в 208 до н. э. — 202 до н. э. движение князей против династии Цинь. Разгромил циньскую династию и провозгласил себя ваном-гегемоном и правителем западного Чу. Ему нанёс поражение первый император династии Хань (Гао-цзу) (210 до н.э — 198 до н.э.).

Сян Юй обладал огромным ростом и физической силой, был невероятно храбр, но при этом жесток и недальновиден. По сюжету оперы, не вняв словам Юй Цзи, которая отговаривала его идти против ханьцев, Сян Юй попал в засаду генерала Хань Синя. Сян Юй хотел сбежать из засады вместе с Юй Цзи, но та, боясь задержать его, покончила с собой. Потерпев поражение, Сян Юй, добрался до реки Уцзян, и, устыдившись возвращения, также покончил с собой.

[22] Шанхайская набережная 上海滩 (shànghǎitān) — также Вайтань 外滩 (wàitān) (или Бунд) — престижный район Шанхая, финансовый центр Восточной Азии.

[23] Финифтевые вазы 珐琅壶 (fàláng huāpíng) — финифть — 珐琅 (fàláng) — эмаль, наносимая на металлическую основу.

[24] Сливы, орхидеи, хризантемы и бамбук 梅兰竹菊 (méi lán zhú jú) — т. н. «четыре благородных (растения)».

[25] Столик для кана 炕桌 (kàngzhuō) — длинный стол от 30 до 50 см. в высоту со столешницей 50-60 см. в ширину и от метра с небольшим до двух в длину, ставился поперёк кана или дивана.

Кан 炕 (kàng) — отапливаемая кирпичная лежанка, заимствованная в VII-XIII вв. у северных осёдлых соседей (вероятнее всего, корейцев). На канах сидели с поджатыми под себя ногами, но допускалась и поза со спущенной ногой.

[26] Цзяннань 江南 (jiāngnán) — правобережье реки Янцзы.

[27] Длинная трубка 烟管 (yāngǎn) — прямая трубка с длинным чубуком и медной головкой.

[28] Преклоняясь — в оригинале 俯首贴耳 (fǔ shǒu tiē ěr) — в пер. с кит. «склонять голову и прижимать уши», обр. в знач. «ползать на брюхе, раболепствовать; поджать хвост, покориться, безропотно уступить».

[29] Чача-эр 恰恰儿 (Cháchá-ér) — это имя означает «чистая, незамутнённая», приставка «-эр» придаёт уменьшительно-ласкательное значение, применяется к именам детей и молодых женщин.

[30] Гонконг — кит. 香港 (xiāng gǎng) — Сянган — это название иногда употребляется в русских официальных источниках (напр., картах), но мы взяли более употребительный вариант.

[31] Уйгуры 维吾尔 (wéizú) — сокр. от 维吾尔族 (wéiwú'èrzú) — Уйгуры — тюркоязычный народ, подавляющее большинство их живёт в регионе под названием Синьцзян на крайнем западе Китая, по вероисповеданию — мусульмане-сунниты.

[32] Потерпевшая крах почтенная семья — в оригинале 落井下石 (làojià de fènghuáng) — в пер. с кит. «покосившиеся столбы дома самца и самки феникса».

[33] Маджонг — кит. 麻将 (májiàng) — мацзян.

[34] Торт с каштановым кремом 栗子蛋糕 (lìzi dànɡāo) — в пер. с кит. также «пирог с каштанами».

Каштановый крем — традиционный ингредиент французских кондитерских изделий, производится на основе каштанового пюре с добавлением сахара, ванили, а иногда и шоколада, который замечательно сочетается с каштанами.

[35] Кайсылин 凯司令 (kǎi sīlìng) — название фирмы в пер. с кит. означает «победная песнь командира», работая с 1928 г., эта фирма и сейчас производит «западные» пирожные и торты.

[36] Везде, где в оригинальном тексте вставлены слова и фразы на английском языке, мы будем оставлять их на английском с переводом на русский рядом в квадратных скобках для удобства читателей.

[37] Ноги перебинтованы — в оригинале 裹脚 (guǒ xiǎojiǎo) — в пер. с кит. «маленькие бинтованные ножки».

Бинтование ног 缠脚 (chánzú) — в букв. пер. с кит. «связанная ступня» — обычай, практиковавшийся в Китае (особенно в аристократической среде) с начала X до начала XX века. Полоской материи девочкам привязывали к ступне все пальцы ноги, кроме большого, и заставляли ходить в обуви малого размера, отчего ступни значительно деформировались.

Забинтованная нога стала признаком красоты и необходимым атрибутом для того, чтобы девушку смогли выдать замуж, в том числе за мужчину с более высоким социальным статусом и финансовым положением. В конце XIX века в провинции Гуандун в бедных семьях стало обычаем бинтовать ноги старшей из дочерей, которую готовили для «престижного» замужества, чтобы улучшить материальное положение семьи (уделом младших сестёр была домашняя работа и брак с крестьянином; они также могли стать наложницами более богатых мужчин).

В бедных семьях бинтование ног не всегда бывало тугим, и оно начиналось позже. В тех районах Китая, где выращивался рис, женщины участвовали в работе на полях, и там обычай бинтования ног не имел такого распространения, как в остальных частях Китая.

В начале XX века общественные деятели подвергли бинтование ног жёсткой критике. После Синьхайской революции (1911) и становления республики этот обычай постепенно начал сходить на нет. Правительство также делало попытки запретить бинтовать ноги. Когда в 1949 году к власти пришли коммунисты, им удалось добиться полного запрета на бинтование ног, в том числе в отдалённых сельских районах. Запрет на бинтование ног существует и в настоящее время.

[38] Вновь поднял голову — в оригинале 东山再起 (dōngshān zài qǐ) — в пер. с кит. «Дуншанец (отшельник) вновь объявился», обр. в знач. «возобновить (деятельность, карьеру), вернуться (к

делам, работе, должности), приняться за старое; возродиться».

Чэньюй отсылает нас к легенде о том, как отшельник с горы Дуншань — бывший крупный чиновник — Се Ань 卞 (Xiè Ān) вернулся к государственной деятельности.

<http://bllate.org/book/17750/1660353>